

Научная статья
УДК 94(470.314).083
DOI 10.37724/RSU.2022.75.2.004

Положение иностранных военнопленных, находящихся во Владимирской губернии в 1915–1916 годах

София Романовна Повалишникова

Средняя общеобразовательная школа № 38, Владимир, Россия
444774448@mail.ru

Аннотация. Основной массив современных отечественных исследований направлен на изучение положения русских пленных в годы Первой мировой войны. В настоящей статье сделана попытка проанализировать положение иностранных пленных, находящихся во Владимирской губернии в 1915–1916 годах. В статье описывается быт пленных, отношение к ним местного населения. Исследованы основные занятия военнопленных, рацион питания, а также досуг.

Ключевые слова: быт, Владимирская губерния, военнопленные, Первая мировая война, Российская империя, условия содержания.

Для цитирования: Повалишникова С. Р. Положение иностранных военнопленных, находящихся во Владимирской губернии в 1915–1916 годах // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 38–50. DOI: [10.37724/RSU.2022.75.2.004](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.75.2.004).

Original article

Foreign Military Prisoners in the Vladimir Province in 1915–1916

Sofya R. Povalishnikova

Secondary school no. 38, Vladimir, Russia
444774448@mail.ru

Abstract. A considerable number of modern Russian research is aimed at the investigation of the position of Russian prisoners during the years of World War I. The article attempts to analyze the position of foreign military prisoners in the Vladimir Province in 1915–1916. The article describes prisoners' everyday routine and local dwellers' attitude to them. The article investigates military prisoners' routine, their meals and leisure activities.

Keywords: routine, Vladimir Province, military prisoners, World War I, Russian Empire, life conditions.

For citation: Povalishnikova S. R. Foreign Military Prisoners in the Vladimir Province in 1915–1916. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin.* 2022; 2 (75): 38–50. (In Russ.). DOI: [10.37724/RSU.2022.75.2.004](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.75.2.004).

Одной из самых трагичных страниц войны является плен. Во время Первой мировой войны тема плена не была отдельной проблемой в печати, а использовалась лишь как иллюстративный материал для формирования «образа врага». Война благоприятствовала трансформации содержания и форм военного плена и полностью обновила само его понимание. Военнопленным присваивался статус дешевой рабочей силы, предназначенной для удовлетворения потребностей государства, нередко — для выполнения таких работ, на которых международными правовыми нормами был запрещен труд военнопленных. Главными причинами появления нового понятия военного плена, ранее неизвестных условий содержания пленных и использования их труда стали, в первую очередь, продолжительная война, исчерпавшая силы стран, а также огромное количество втянутых в войну людских ресурсов. В Российской империи к этим обстоятельствам присоединится еще менее развитая, чем в странах Европы, национальная экономика и большая площадь территории страны.

Проблема содержания пленных на территории Российской империи в последнее время интересует многих исследователей. В статье С. И. Белова [Белов, 2014] есть информация о жизни военнопленных в Верхнем Поволжье, И. Б. Белова [Белова, 2007] изучала положение пленных в Калужской и Орловской губерниях, А. В. Калякина [Калякина, 2014] — в Саратовском Поволжье, В. А. Пылькин — на Рязанской земле [Пылькин, 2013], А. А. Валитов [Валитов, 2014] — в Тобольской губернии, А. В. Тарасов [Тарасов, 2014] — в Пермской губернии, А. В. Тихонов — в Калужской и Тульской губерниях [Тихонов, 2016]. Обобщающее содержание носят работы Н. Е. Журбиной [Журбина, 2008], Ю. А. Иванова [Иванов, 2002], Б. И. Ниманова [Ниманов, 2009]. В монографии Н. В. Суржиловой [Суржилова, 2014] описывается жизнь военнопленных именно в российских провинциях, в том числе и Владимирской губернии, благодаря чему стало возможным сравнить отношение к военнопленным в разных уголках страны. Что касается изучения положения пленных на территории Владимирской губернии, то этой проблеме уделяли внимание такие исследователи, как В. И. Титова [Титова, 2014, 2016], А. Л. Коллерова [Коллеров, 2000], Л. А. Могильная [Могильная, 2014]. В статье Р. О. Костопророва [Костопроров, 2016] дается описание использования труда пленных на заводах губернии. В работе А. В. Бабакова [Бабаков, 2016] исследуется положение пленных, находящихся в Суздале. Благодаря статье А. О. Гулина [Гулин, 2016] удастся сравнить положение пленных, содержащихся во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях. Таким образом, проведенный историографический обзор свидетельствует о том, что интерес исследователей к проблемам военнопленных в последнее время значительно возрос. Однако часть вопросов остается на периферии исследовательского интереса, в частности о досуге военнопленных и их медицинском обеспечении, о различиях в содержании солдат и офицеров. Это открывает возможности дальнейшего изучения данной темы.

В статье делается акцент на организационно-распорядительные и делопроизводственные документы. Источники по данной тематике содержатся в архивных фондах органов губернского и местного управления — «Канцелярии Владимирского губернатора» [ГАВО. Ф. 14], «Владимирском губернском правлении» [ГАВО. Ф. 40], «Владимирской губернской земской управе» [ГАВО. Ф. 379], «Вязниковской уездной земской управе» [ГАВО. Ф. 381], «Юрьевской городской управе» [ГАВО. Ф. 398], «Владимирском губернском жандармском управлении» [ГАВО. Ф. 702], «Владимирском полицмейстере» [ГАВО. Ф. 981], «Гороховецком уездном полицейском управлении» [ГАВО. Ф. 983], «Владимирском уездном исправнике» [ГАВО. Ф. 989], «Приставе Гусевской фабрики Нечаева-Мальцева» [ГАВО. Ф. 1014]. Многие из этих источников вводятся в научный оборот впервые, что позволило расширить представление о повседневной жизни военнопленных, а также раскрыть такие аспекты темы, как продовольственные проблемы, отношение к пленным и власти, бытовые условия содержания узников. Кроме этого, были проанализированы владимирские газеты военного времени на наличие упоминаний о судьбе военнопленных [Побеги военнопленных, 1917].

В исследовании использовались специально-исторические методы: проблемно-хронологический, историко-генетический, а также метод периодизации. Историко-генетический метод применялся при выявлении изменения условий жизни населения в обстоятельствах военного времени. Данный метод позволяет обобщить все исторические данные и воссоздать целую картину пребывания военнопленных на территории губернии. С помощью метода периодизации удалось обосновать хронологические рамки данного исследования, а также применить его к анализу историографии проблемы. Проблемно-хронологический метод был использован для составления хронологии событий и анализа их развития. Методы изучения бытовой истории и истории повседневности позволили более детально рассмотреть ранее описанные явления и эпизоды изучения повседневности Первой мировой войны. В проблемное поле науки были введены культурно-исторические явления, которые ранее не входили в круг исследовательских интересов российских историков, поскольку основное внимание уделялось материальным или духовным ценностям.

Новизна данной статьи определяется объектом исследования — условия содержания, общественные настроения и поведение иностранных пленных в тыловой губернии.

В начале войны «Владимирские губернские ведомости» писали, что про пленных в самом Владимире ничего не слышно. Впервые военнопленных привезли во Владимирскую губернию 14 августа 1914 года. В вагонах их не запирали, разрешали выходить и общаться с местными жителями. Национальность раненого определялась при посадке из вагона — по их отношению к встречающему медицинскому персоналу. Немцы были молчаливы, иногда до упорства, и при малейшей возможности старались избегать помощи врачей. Славяне считались более общительными, их среди австрийцев было большинство. Пленных на вокзале поражило количество не призванных в армию мужчин: не солдаты, а «мужики», по их терминологии. Им объясняли, что

многие молодые люди — ученики семинарии и пользуются отсрочкой до окончания обучения. В Германии на тот момент учились только дети.

Некоторые граждане с сочувствием относились к узникам, давали им деньги и папиросы. Военнопленные офицеры австро-венгерской армии содержались в тюремном корпусе Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале. Нижние чины селили недалеко от Суздаля, за его территорией, в особых бараках. Можно выделить несколько типов барачных помещений для пленных. Первый из них — больничного типа, который должен был состоять в длину 6 целых досок и вмещать 100 коек. Стоимость его строительства составляла от 3,5 до 5 тыс. руб. вместе с отоплением. Вторым — гостиничного типа, также достигал в длину 6 досок и состоял из 16 отдельных помещений. Стоимость колебалась от 4,5 до 6 тыс. руб. Третий — турецкого типа, предназначался для изоляции на время инкубации здоровых пленных, общавшихся с заразными больными. Длина его составляла 6 досок, и вмещать при двойных нарах он должен был до 250 человек. Устройство такого барака обходилось от 1,5 до 2 тыс. руб. [ГАВО. Ф. 398. Оп. 1. Д. 207. Л. 20]. Строительство барачных помещений не превышало двух недель. Отмечались случаи, когда помещение под барак снимали у крестьян.

Из мест содержания нередко удавалось сбежать. Например, в Вязниках случались побегии из-за необорудованности помещения, в котором содержались узники, — здание находилось за городом, в глуши, неподалеку был овраг, поросший лесом. После происшествия было приказано поставить забор вокруг территории и фонари [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 223. Л. 104]. Побегии происходили не только во Владимирской губернии. В местных газетах того времени писали, что из Самары, Саратова, Казани и Нижнего Новгорода бежали с сельскохозяйственных работ [Побегии военнопленных, 1917].

Среди пленных фиксировались вспышки эпидемий. Например, 18 мая 1915 года в Суздаль прибыла новая партия пленных, из 199 человек двое оказались с сыпным тифом и еще двое — с брюшным. В казармах находилось, кроме того, 28 больных [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 223. Л. 5]. Необходимо учесть, что основными переносчиками тифа были вши, что свидетельствовало о невысоком уровне гигиены пленников. Для борьбы с эпидемией в Суздаль был откомандирован эпидемический отряд для дезинфекции, состоящий из врача Н. И. Александровой, фельдшера Козина и дезинфектора Старшева [Там же. Л. 8]. В ноябре 1915 года в городе Судогде началась эпидемия скарлатины. Смерть наступала на второй день заболевания. Местные власти ходатайствовали об удалении из города расквартированных военнопленных, которыми была занята большая часть лучших квартир, а также о покупке дезинфекционной камеры и оборудования ассенизационного обоза. Больным запрещалось брать и возвращать книги в библиотеку [Там же. Д. 225. Л. 10]. К счастью, эпидемию удалось подавить. В феврале 1916 года в Переславле вспыхнул сыпной тиф. Причина болезни в рапорте указывалась следующая: прибывшие военнопленные, среди которых были больные, помещались на одних нарах со здоровыми [Там же. Л. 23]. Заболевшие обычно направлялись в земские больницы или госпитали, в которых полностью изолировались от местного населения, но даже там не всегда находились свободные места. Для поддержания гигиены было дано распоряжение производить общую уборку помещений два раза в неделю, ежедневно вытряхивать тюфяки и маты. Все помещения следовало проветривать три раза в день по 20–30 минут [ГАВО. Ф. 989. Оп. 3. Д. 2. Л. 558].

На случай смерти военнопленных в феврале 1916 года были опубликованы правила пересылки имущества умерших, бежавших, обмененных и прочих военнопленных неприятельской армии. Указывалось, что отсылке в бюро подлежат денежные суммы, все ценные вещи, личные знаки, документы, письма, знаки отличия, записные книжки и иные памятные вещи. Все оставшиеся после смерти пленных нижних чинов предметы обмундирования сдавались в интендантские склады. Остальные вещи нижних чинов (штатские платья, белье, обувь) после тщательной дезинфекции отправлялись на нужды других военнопленных. Все личные вещи офицеров надлежало оставлять на хранение в месте их последнего пребывания до окончания войны. В случае получения на имя военнопленного после его смерти посылки ее следовало вскрыть — если там находилась одежда или еда, то она распределялась между нуждающимися пленными, а ценные вещи отправлялись в Бюро [ГАВО. Ф. 981. Оп. 4. Д. 10. Л. 121]. В 1915 году в одной из посылок военнопленного обнаружилась влитая в плитку шоколада записка, причем она была вложена при приготовлении [ГАВО. Ф. 398. Оп. 1. Д. 214. Л. 43]. Это означало, что подобный метод передачи информации практиковался уже давно. С июня 1916 года у военнопленных начали отбирать все предметы снаряжения, изготовленные из алюминия (котелки, фляги), и сдавать на Московский артиллерийский склад; другие предметы снаряжения (бинокли, компасы, свистки, полевые сумки) — на Московский интендантский вещевой склад [ГАВО. Ф. 981. Оп. 4. Д. 11. Л. 267].

Список увечий, с которыми пленные интегрировались в нейтральные страны, был следующий: глухота на оба уха, тяжелая форма сифилиса, потеря одной конечности у офицеров и унтер-офицеров, туберкулез (даже в начальной стадии). Исключения: хронический алкоголизм, все заразные болезни, нервные расстройства, требующие специального лечения [ГАВО. Ф. 989. Оп. 3. Д. 2. Л. 537].

Для проверки условий, в которых содержались иностранные пленные, 3 мая 1915 года в город Покров прибыл американский уполномоченный правительства Соединенных Штатов Герберт Пирс [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 223. Л. 48]. Он осматривал помещения, в которых содержались пленные, и расспрашивал их об отношении местных властей. Также для осмотра лагерей в июле 1916 года направлялась делегация в составе уполномоченного шведского Красного Креста Вульфа Галина, Кегнея Менра Бетерсона, Фенгера Рампа, Сельдигна Арендруга в сопровождении шести германских и пяти австрийских сестер милосердия [ГАВО. Ф. 981. Оп. 4. Д. 11. Л. 67]. Следующей делегацией, посетившей губернию, была датская. 12 августа 1916 года делегаты Красного Креста побывали во Владимире, 27 августа — в Вязниках. Миссия состояла из австрийской сестры милосердия княжны Крон и члена общества датского Красного Креста капитана Кригера. После осмотра помещений, в которых содержались пленные, тем, кто пробыл в плену более года, делегацией было выдано по 5 руб., а тем, кто менее года, по 2 руб. Также каждый пленный получил по паре носков [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 217. Л. 65]. Датскому врачу Осье было разрешено посетить пункты постоянного размещения военнопленных для раздачи пленным немецким врачам медикаментов [ГАВО. Ф. 981. Оп. 4. Д. 11. Л. 80]. Стоит отметить, что за всеми делегатами устанавливалось негласное наблюдение. В том же месяце на Остьевское торфяное болото товарищества Соколовской мануфактуры Асафа Баранова прибыла делегация шведско-датского Красного Креста для выдачи пленным, находящимся на работах по разработке торфа, одежды и обуви. Были вручены фуражки, шинели, мундиры, шаровары, штiblеты, теплые рубашки и подштанники, носки и перчатки, кроме этого, каждый пленный получил по 10 руб., но из них на руки было выдано только 2 руб. 50 коп. [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 217. Л. 78].

В сентябре 1916 года делегация прибыла в город Юрьев-Польский, где также раздавала подарки. Офицеры получили денежную сумму от 20 до 50 руб., галуны, звездочки и ординские ленточки, а нижние чины — 5 руб., кусок мыла, табак, трубку, кресты и печенье [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 217. Л. 63]. В том же месяце датская делегация побывала в Муроме, Иваново-Вознесенске, Шуе, Переславле. Санитарное состояние помещений, в которых содержались пленные, признали удовлетворительным, жалоб со стороны узников не зафиксировано. В Переславле пленные офицеры получили от делегатов денежную сумму в размере от 20 до 40 руб., а нижние чины — от 2 до 5 руб., денщикам офицеров было выдано по 7 пар туфель [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 217. Л. 70].

Такая забота о пленных и щедрая материальная помощь вызвала недовольство местного населения. Масло в огонь подливало и то, что в феврале 1916 года из Москвы приезжала военная комиссия, осматривавшая в Меленках помещения для пленных. Помещения признали неудовлетворительными, хотя ранее там же размещались русские бойцы. Ротмистр по этому поводу писал: «такое отношение к военнопленным может изменить добродушное отношение к ним народа, что едва ли желательно» [ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1068. Л. 25 об.]. В октябре 1916 года был издан документ, в котором говорилось, что сестры милосердия при посещении лагерей пытались раздать привезенные из-за границы книги, брошюры, картины тенденциозного содержания и старались выведать сведения, которые оказались бы полезны их правительствам. Например, при осмотре багажа германской сестры милосердия обнаружилось агитационные книги, в том числе книги «Военнопленные в Германии» в количестве 20 штук, резиновый кастет с металлическим наконечником, скрытым в трости [Там же. Л. 193]. Было решено запретить германским и австро-венгерским сестрам милосердия посещать места содержания и работ пленных [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 217. Л. 82].

Стоит отметить, что, кроме иностранных делегаций, пленных посещали и духовные лица. Например, в Муроме архиепископ Владимирский Алексей обратился в православие 40 пленным австрийцев [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 223. Л. 2]. Этому событию придали неестественно торжественный вид, что вызвало недовольство среди населения. По городу пустили слух, что на крещение придет великая княгиня Елизавета Федоровна.

В целях пресечения распространения пленными информации о неудовлетворительном содержании в России в 1916 году было решено составить сборники фотографий как общих видов существующих лагерей, так и отдельных лагерных построек, бань, лазаретов. Снимки не подлежали распространению и печатались в трех экземплярах.

Положение пленных в лагерях определялось их званием и национальной принадлежностью. Военнопленные офицеры были обязаны отдавать честь всем генералам, штаб и обер-офицерам русской армии, а нижние чины — всем нижним чинам русской армии. Всем пленным предписывалось носить головной убор той армии, к которой они принадлежали, при неимении — фуражку или шапку произвольного образца, на которой должна была быть прикреплена продолговатая металлическая бляха с надписью «военнопленный» [ГАВО. Ф. 989. Оп. 3. Д. 2. Л. 557]. Вставали нижние чины в 6 утра, а назначенный на кухню — в 5. Обед по расписанию проходил в 12 часов, ужин — в 19. Игры в шахматы, лото, домино разрешались до 20 часов, после чего объявлялся отбой. Офицерам разрешалось вставать в 8 и ложиться в 23 часа.

Национальность пленного имела большое значение, от этого зависели льготы и привилегии. В германской и австро-венгерской армиях служили выходцы из славянских народов — чехи, поляки, словаки, а также представители национальных меньшинств, например, итальянцы и румыны, чья историческая родина воевала на стороне Антанты. В Российской империи военнопленным славянам был положен ряд послаблений: они размещались обособленно от немцев и венгров, а также отправлялись на отдельные виды работ. Таким способом планировалось устранить унижение пленников-славян пленными-немцами [Костоправов, 2016]. Славянам разрешалось гулять по воскресеньям, к ним допускались соотечественники, разрешалось чтение, пение. Нередко этим пользовались сами пленники. Например, с целью получения льгот, положенных славянским национальностям, пленный офицер австрийской армии Кенинг, содержащийся в Судогде, умышленно назвался славянином [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 223. Л. 78].

В целом пленным врагам жилось во Владимирской губернии неплохо. Нередко они состояли в городах и селах приказчиками в магазинах, ямщиками на земской почте, имели лошадей, работали поварами, садовниками. В Государственном архиве Владимирской области (ГАВО) сохранилось много сведений о вызывающем поведении военнопленных и нарушении режима. Так, в Покрове пленные австрийцы переписывались с посторонними через забор из сада. В том же городе пленные сами сделали фотоаппарат, в котором, вместо объектива, использовалось стекло от лупы. Известно, что в Суздале на головных уборах пленные имели металлические изображения императоров Германии и Австрии и знаки, символизирующие победу, что было запрещено [ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1068. Л. 179].

В 1916 году в Судогде 80 офицеров пользовались полной свободой. При офицерах были денщики и повара, охраняли их один-два ополченца. Последние располагались в прихожих и других худших комнатах, иногда без окон. Однажды при проверке пленных подпоручик спросил у них, указывая на караульного: «Не мешает ли Вам этот осел?» [ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1068. Л. 80]. Еще один случай попустительского отношения к пленным произошел в деревне Хрястовой, где полицейский сторож при военнопленных Дмитрий Панкратов самовольно разрешил пленным купание в реке Колокше, в результате чего один пленник утонул. Тот же сторож распространил слух, что пленные топят печи целыми днями и ночами и сторожа не находят при пленниках [ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22534. Л. 82]. В том же году в Муроме австрийский офицер, чех Каутняк, подойдя к унтер-офицеру, потребовал в резкой форме, чтобы его сейчас же сопроводили в канцелярию уездного воинского начальника, потом — к Владыке во Владимир, а затем — к Елизавете Федоровне в Москву. После того, как унтер-офицер отказался, чех заявил: «...Я с вами не хочу разговаривать. Ты унтер-офицер, и я с тобой разделаюсь по-своему и доведу до сведения начальства» [ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1068. Л. 97].

В феврале 1915 года в городе Иваново-Вознесенске военнопленный чех австрийской армии Вилен Колоран ежедневно в штатском платье ходил в фотоателье для работы и получал по 10 руб. в месяц. Также было замечено, что военнопленные нижние чины продавали оставшийся у них печеный хлеб местному населению — по 80 коп. за пуд [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 223. Л. 1]. Во многом положение пленных зависело от человека, который ими заведовал. Первоначально в Иваново-Вознесенске надзор за военнопленными поручался призванному из отставки подпоручику В. Ф. Штробиндеру, который был немцем по происхождению, но жил в губернии уже 20 лет. Это вызвало недовольство населения, и подпоручика было решено освободить от занимаемой должности [Там же. Л. 19]. Также заслуживает внимания личность заведующего пленными в губернии полковника Погоржельского. Он разрешал пленным сушить белье на заборе огорода, который находился в 200 шагах от места их содержания, что оставляло пленников почти без надзора. Погоржельский часто в присутствии пленников кричал на конвойных, запрещал дотрагиваться до узников даже пальцем и близко к ним подходить. Полковник поставил гимнастические турники для развлечения пленников и разрешил им гулять каждый день с утра и до наступления темноты. Только после случаев побега в 1915 году военнопленным офицерам, находящимся в местах постоянного жительства, было

разрешено гулять по городу 1 час в день под конвоем [Там же. Л. 93]. Нижние чины могли гулять только во дворах занимаемых ими помещений. Пленным офицерам запрещалось гулять на железнодорожных платформах во время проходов поездов, а также появляться в общественных местах [Там же. Л. 39]. Во владимирских газетах упоминается, что военнопленные проявляли большой интерес к политическим партиям. Возможно, это связано с тем, что у себя на родине они интересовались политикой или же надеялись на революцию в России, способную дать им свободу.

В сентябре 1915 года случился следующий инцидент: перед сумерками пленные офицеры должны были вернуться в казарму с прогулки. Дневальный, стоящий у входа, попросил их зайти внутрь. Пленные нарочно начали то заходить, то выходить. Тогда унтер-офицер Рябов взял одного из них за рукав и силой повел его в казарму, но пленный ударил офицера. В результате трое германцев были отправлены в тюрьму в город Вязники. В рапорте указывалось, что пленные осознают свою безнаказанность, так как видят, что любой конвойный, который строго отнесется к пленному, подвергнется дисциплинарному взысканию. После этого случая, в октябре 1915 года, Погоржельский был освобожден от заведывания военнопленными [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 223. Л. 87]. Уже после Февральской революции вышло распоряжение Временного правительства о том, что можно назначать беженцев из неприятельского плена солдат, а также инвалидов-офицеров, в команды для надзора за находящимися на работах пленными.

Положение военнопленных могло также зависеть от того, как относились к русским пленным в Германии и Австро-Венгрии. Еще в 1915 году прием телеграмм от пленных австрийцев, венгерцев, германцев и турок производили только с разрешения полиции. В апреле того же года из-за запрета русским пленным в Германии подавать телеграммы за границу аналогичная мера была применена к иностранным пленным, находившимся на территории Российской империи [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 223. Л. 28]. В мае 1916 года все унтер-офицеры германской армии были освобождены от работ в ответ на такие же меры к русским пленным. В октябре 1916 года член Государственной думы уведомил, что германские власти устанавливают для расчетов с военнопленными чинами русской армии произвольный курс из расчета 1 руб. за 1 марку 75 пфеннигов. При этом следует учесть, что шведская почтовая контора в Мальмё, через которую проходили переводы на имя пленного, ставила на купонах переводов действительную сумму, подлежащую выдаче, но германские власти проводили операции лишь по своему курсу, доставляя убыток около 35 %. Предлагалось применить аналогичную меру к немецким пленным [ГАВО. Ф. 981. Оп. 4. Д. 11. Л. 194]. Уже в ноябре 1916 года было решено удерживать 35 % с рубля с тех денег, которые высылались лишь военнопленными германской армии.

Владимирская губерния в военном отношении входила в состав Московского военного округа. В связи с нехваткой рабочих рук труд военнопленных с 1915 года стали использовать на сельскохозяйственных работах, работах по ремонту дорог и благоустройству города, в качестве санитаров в лечебных учреждениях, кроме того, специалистов направляли на фабрики и заводы. Пленные чехи в Переяславле-Залесском играли в оркестре в городском саду по воскресеньям и праздникам с 18 до 22 часов [ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22849. Л. 136]. На военнопленных, трудившихся на промышленных предприятиях, не распространялись правила о страховании рабочих на случай болезни и от травм вследствие несчастных случаев. В соответствии с правилами пленные могли отпусаться на работы только в местах своего квартирования и под обязательной охраной. Привлечение военнопленных к различным работам должно было сделать их труд «заметным для общества, и тем самым в какой-то мере удовлетворить его стремление к справедливому возмездию за те страдания, которые испытывали русские воины в германском плену» [ГАВО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 105. Л. 10]. Работодателям предписывалось снабжать пленных одеждой и обувью. Тем не менее пленные часто возвращались с работ в несоответствующей времени года одежде и обуви, что приводило к распространению эпидемий.

В августе 1915 года было решено образовать особый резерв пленных славян для назначения их на срочные работы углепромышленных предприятий юга России, в связи с чем поступил приказ заменить пленных славян, занятых на разных работах, немцами и венграми. В 1916 году на предприятиях губернии трудились 2 903 военнопленных. 6 апреля 1916 года вышел циркуляр, в котором говорилось, что из-за уменьшения посевной площади ни одного военнопленного не должно было оставаться в лагере без особого назначения. На полевые работы стали назначаться и очень слабые пленные, поскольку считалось, что, находясь на свежем воздухе, они смогут окрепнуть [ГАВО. Ф. 981. Оп. 4. Д. 10. Л. 117]. Этим же циркуляром устанавливалось, что их питание не должно быть лучше питания русских рабочих в том же хозяйстве. Военнопленные, находившиеся на работах, могли иметь с собой не более 2 руб. 50 коп. [Там же. Л. 166], начинали и заканчивали работу одновременно с русскими рабочими, обязывались работать в свои праздники и воскресенья, если в эти дни работали остальные в этом же хозяйстве. Тем не менее в 1916 году разрешалось

освободить от занятий военнопленных иудеев по случаю праздника Судного дня и Кушей от 16 часов 23 сентября до 20 часов 24 сентября, от 16 часов 28 сентября до 20 часов 30 сентября, от 16 часов 5 октября до 20 часов 7 октября [Там же. Д. 11. Л. 148]. Несмотря на многие послабления в 1915 году, Юрьевская уездная управа жаловалась, что работали пленные неудовлетворительно, лениво, от работы отказывались, просили давать им на чай, угрожая тем, что не будут работать. В результате управа была вынуждена давать по 10 коп. ежедневно каждому пленному на чай [ГАВО. Ф. 398. Оп. 1. Д. 214. Л. 24]. В архивах Владимирской губернии сохранилось много сведений о недобросовестном труде пленников. Например, в лесной даче «Ямской бор» германский военнопленный Вильгельм Яныш положил на железнодорожные рельсы железный болт, служившим скреплением рельсов, за что был отправлен в тюрьму [ГАВО. Ф. 989. Оп. 3. Д. 3. Л. 44].

В случае непослушания на работах пленные подвергались аресту до семи суток, в течение которых им давали только хлеб и воду. В июне 1916 года вышло обязательное постановление, по которому пленные после применения дисциплинарного взыскания заключались в тюрьму на три месяца. Если военнопленные самовольно покидали сельскохозяйственные работы, то им за это полагался простой арест до одного месяца, строгий арест до двадцати суток или усиленный — до восьми суток. Также они могли подвергнуться одновременно для усиления наказания простому, усиленному и строгому аресту на срок до одного месяца. При простом аресте виновные содержались в одиночном светлом карцере, получали пищу и спали на голых нарах. При строгом аресте содержались в светлом карцере на хлебе и воде и спали на голых нарах; хлеб и соль им выдавали ежедневно, а горячую пищу — через два дня на третий. Во время усиленного ареста виновные помещались в тюремный карцер, и к ним применялись правила, характерные для строго ареста. При смешанном аресте должно было быть определено количество суток, которые виновному предстояло провести под усиленным, строгим и простым арестом. Срок усиленного ареста не должен был превышать половины всего срока смешанного ареста и не назначался непрерывно более чем на восемь суток. Промежуток между простым и строгим арестом требовалось выдерживать не менее недели. Арестованным запрещалось курить, играть, петь и общаться с посторонними [ГАВО. Ф. 981. Оп. 4. Д. 10. Л. 175].

В июле 1916 года, на время страдальной поры, допускалось привлечение пленными к работам в воскресенье без замены отдыха в один из ближайших дней. Отпуск пленными на подневные работы упразднился, также стало запрещено размещать военнопленных поодиночке в крестьянских семьях [ГАВО. Ф. 981. Оп. 4. Д. 10. Л. 200]. Во многом это объяснялось тем, что одинокие женщины начинали сходить с пленными и рожали от них детей, что вызывало недовольство на фронте. В ГАВО содержится письмо русской крестьянки Екатерины Тарасовой, написанное карандашом пленному Ковальскому [ГАВО. Ф. 14. Оп. 14. Д. 223. Л. 104]. После того, как письмо перехватили, пленника перевели в другой город, а Тарасовой было сказано, что если она напишет еще одно письмо пленному, то отправится в тюрьму.

Население губернии в целом доброжелательно относилось к пленным, чем вызывало настороженность властей. Например, в Судогде девушки ухаживали за пленными офицерами и каждый вечер появлялись в их обществе [Белова, 2007]. Чтобы избежать порицания, девушки стали на прогулку переодеваться в мужскую одежду. В том же городе военнопленные офицеры конспиративно получали корреспонденцию, посылки и выписки из газет. Помогали им торговец одеждой Е. Т. Балухов и прачка М. П. Соколова. Е. Т. Балухов на свой адрес получал газету «Дневник Петроградский», а Соколова — письма из Нижнего Новгорода от К. М. Казубовской для И. И. Вейса [ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 1068. Л. 1]. В Юрьеве местное население дарило пленным журналы.

Во Владимирском архиве встречаются циркуляры губернатора за 1915 год о запрете общения между населением и пленными из-за опасения, что близость с военнопленными может создать опасность заражения эпидемическими болезнями, поскольку такие случаи, например, с сыпным тифом, уже имели место. Кроме того, как писал владимирский губернатор, «пленные враги не заслуживают тех добрых чувств, которые составляют яркую черту русского народа» [ГАВО. Ф. 989. Оп. 3. Д. 2. Л. 115].

Следует заострить внимание на том, что плененные военнослужащие оказывали сильное влияние на местное население, а также были предметом интереса российских спецслужб. Военнопленные являлись ценным источником разведывательной информации, а в некоторых случаях — еще и единственным. В военное время конфликтующие стороны запрещали своим военнослужащим в случае пленения сообщать противнику сведения о войсках, иначе могли последовать репрессии после возвращения на родину. Но все же пленные без возражений

передавали сведения о наименовании части, в которой проходили службу, свою фамилию и дату рождения. Сообщая эти сведения, военнослужащие считали, что таким образом смогут проинформировать родственников о своей судьбе. Большая часть пленных полагала, что некоторые данные носят общедоступный характер, однако такая информация могла быть очень ценной для противника. Зачастую плененный военнослужащий вводился в заблуждение умелыми действиями специалиста, проводящего опрос. Такие специалисты очень ценились, так как для подобной работы было необходимо разбираться в психологии человека, попавшего в плен. Достоверность информации определялась чертами национального характера, следовательно, метод запугивания работал плохо. Во время опроса большой интерес вызывали документы, имевшиеся у пленного военнослужащего, а также знаки отличия, которые указывали на принадлежность к той или иной войсковой части. Это имело значение не только для проверки показаний допрашиваемых, но и для документального установления войсковой части, не существовавшей в мирное время. На основании подобных неоспоримых данных, а также данных документальной разведки, составлялись подробные боевые расписания войсковых частей противника, находящихся на фронте, с целью дальнейшего наблюдения за ними, что было особенно важно при переброске войск с одного фронта на другой. Таким образом, талантливо проведенный допрос пленных являлся одним из надежнейших средств тайной разведки, так как показания одних пленных перекрестной и очной ставкой могли быть проверены показаниями других пленных, а главное — подтверждены захваченными материалами. Минус этого средства разведки заключался в том, что не позволял заранее узнать планы противника. Однако иногда и этого удавалось достичь грамотным опросом пленных и перебежчиков, особенно перед намечающимися противником крупными операциями [Канаев, 2009].

В апреле 1916 года военнопленным запретили покупать за собственный счет мясо, птицу и дичь [ГАВО. Ф. 981. Оп. 4. Д. 10. Л. 118]. Это аргументировали тем, что ими скупалось все продовольствие, и местное население было вынуждено голодать. В мае 1916 года вышел приказ по Московскому военному округу: военнопленным офицерам разрешалось покупать за собственный счет говяжье мясо в течение пяти дней недели по норме 0,5 фунта на человека в день. Остальные два дня должна составлять постная пища [Там же. Д. 11. Л. 51]. В сентябре 1916 года вышел приказ по Московскому военному округу № 1051 [Там же. Д. 10. Л. 243], в котором устанавливалась норма ежедневной покупки пленными офицерами припасов (табл.). Исходя из данной таблицы, можно сказать, что рацион пленных врагов был достаточно разнообразным.

Таблица

Норма ежедневной покупки пленными офицерами припасов

Продукты	На 1 человека	На 10 человек
3 раза в неделю (скоромные дни)		
Мясо воловьё или баранина, свинина, солонина, ветчина, птица, дичь	0,5 фунта	5 фунтов
4 раза в неделю (постные дни)		
Рыба свежая или	0,5 фунта	5 фунтов
соленая	36 зол.	3,75 фунта
сушеная	12 зол.	1,25 фунта
(не менее 1 раза в неделю) молоко	1 бутылка	10 бутылок
яйца или	3 шт.	30 шт.
(не менее 1 раза в неделю) творог	1 фунт	10 фунтов
сметана или	0,5 фунта	5 фунтов
сельдь	2 шт.	20 шт.
ежедневно		
Чай	0,5 зол.	5 зол.
Сахар	6 зол.	60 зол.
Картофель или	0,5 фунта	5 фунтов
капуста	0,5 фунта	5 фунтов
свекла	0,5 фунта	5 фунтов
горох	19,2 зол.	2 фунта
макароны	38,4 зол.	4 фунта
вермишель	38,4 зол.	4 фунта

Продукты	На 1 человека	На 10 человек
рис	28,8 зол.	3 фунта
грибы свежие или	0,5 фунта	5 фунтов
сушеные	4,8 зол.	0,5 фунта
Лук	1,2 зол.	0,125 фунта
Морковь	1 шт.	10 шт.
Огурцы	1 шт.	10 шт.
Репа	1 шт.	10 шт.
Зелень свежая или	19,2 зол.	2 фунта
сушеная	1,28 зол.	12,8 зол.
Помидоры	9,6 зол.	1 фунт
Горошек	7,2 зол.	0,75 фунта
Хлеб белый	1,5 фунта	15 фунтов
Хлеб черный	1,5 фунта	15 фунтов
Крупа гречневая или	32 зол.	3,3 фунта
манная	32 зол.	3,3 фунта
перловая	32 зол.	3,3 фунта
Соль	9,6 зол.	1 фунт
Масло постное или	7,2 зол.	3,25 фунта
топленое	7,2 зол.	3,25 фунта
чухонское	7,2 зол.	3,25 фунта
сливочное	7,2 зол.	3,25 фунта
Мука пшеничная	0,5 фунта	5 фунтов
Перец	0,16 зол.	1,6 зол.

Таким образом, содержание пленных во Владимирской губернии оказывалось удовлетворительными, питание и жилищные условия были в норме, отношение местного населения, в большинстве случаев, оставалось доброжелательным. Тем не менее, образ пленных являлся главным объектом пропаганды воюющих стран. Он стал одним из средств обвинения противника в варварстве. Кроме этого, рассказы о страданиях пленных использовались для ужесточения представлений о враге и дисциплинированности населения на фронте и в тылу.

Список источников

1. Бабаков А. В. Военнопленные в г. Суздале в годы Первой мировой войны // Материалы XX Межрегион. краеведческой конф. — 2016. — С. 95–102.
2. Белов С. И. Положение немецких военнопленных в России в годы Первой мировой войны (на материалах архивов Верхнего Поволжья) // [Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Сер. «История и политология».](#) — 2014. — № 4. — С. 16–20.
3. Белова И. Б. Военнопленные на территории Калужской и Орловской губерний в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. — 2007. — № 12. — С. 42–45.
4. Валитов А. А. Труд военнопленных Первой мировой войны в Тобольской губернии // Известия ВУЗов. Сер. «Гуманитарные науки». — 2014. — Т. 5, № 3. — С. 189–192.
5. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). — Ф. 14. — Оп. 14. — Д. 217, 223, 225 ; Ф. 40. — Оп. 1. — Д. 22534, 22849 ; Ф. 205. — Оп. 3. — Д. 105 ; Ф. 379. — Оп. 1. — Д. 1277, 1305 ; Ф. 381. — Оп. 3. — Д. 69 ; Ф. 398. — Оп. 1. — Д. 207, 214, 225 ; Ф. 704. — Оп. 1. — Д. 1068 ; Ф. 981. — Оп. 4. — Д. 10, 11 ; Ф. 983. — Оп. 1. — Д. 600 ; Ф. 989. — Оп. 3. — Д. 2, 3 ; Ф. 1014. — Оп. 1. — Д. 41.
6. Гулин А. О. Германно-австрийско-турецкие военнопленные на территории Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в 1914–1917 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XV Междунар. науч. конф. : в 2 ч. — Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2016. — Ч. 2. — С. 298–304.
7. Журбина Н. Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны // [Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация».](#) — 2008. — № 2. — С. 229–235.
8. Иванов Ю. А. Военнопленные Первой мировой в российской провинции // Отечественные архивы. — 2000. — № 2. — С. 100–104.

9. Калякина А. В. Под охраной русского великодушия. Военнопленные Первой мировой войны в Саратовском Поволжье (1914–1922). — М. : Кучково поле, 2014. — 304 с.
10. Канаев И. Н. Русская контрразведка и военнопленные в период Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2009. — № 12. — С. 349–353.
11. Коллеров А. Л. Владимирская губерния в Первую мировую войну // Отечественные архивы. — 2000. — № 3. — С. 16–24.
12. Костоправов Р. О. Германские и австрийские подданные на Гусевском хрустальном заводе в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Материалы исследований. — 2016. — Вып. 21. — С. 53–59.
13. Лашманова Т. А. Владимирская губерния и российская революция в документах 1913–1918 гг. : сб. док. Гос. архива Владимирской обл. — Владимир, 2017. — 500 с.
14. Могильная Л. А. Владимирский край в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.: обзор источников и литературы из фондов Владимирской областной научной библиотеки // Владимирский край в годы Первой мировой войны (1914–1918) : материалы XIX Междунар. конф. — Владимир, 2014. — С. 25–32.
15. Ниманов Б. И. Содержание иностранных военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России». — 2009. — № 2. — С. 53–61.
16. Побег военнопленных // Известия Владимирского губернского временного исполнительного комитета. — 1917. — № 95. — С. 3.
17. Повалишников С. Р. Быт немецких военнопленных на территории Российской империи (по материалам источников личного происхождения) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2020. — № 3 (68). — С. 67–76.
18. Пылькин В. А. Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на Рязанской земле в годы мировой войны и революции. — М. : Горячая линия-Телеком, 2013. — 236 с.
19. Суржилова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). — М. : Полит. энцикл., 2014. — 423 с.
20. Тарасов А. В. Военнопленные Первой мировой войны в Пермской губернии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2014. — № 2. — С. 42–47.
21. Титова В. И. «Память храбрых мы почтим...»: захоронения участников Первой мировой войны во Владимире на Князь-Владимирском кладбище. — Владимир : Транзит-ИКС, 2014. — 128 с.
22. Титова В. И. Владимир губернский: 1778–1929 : сб. ст. — Владимир : Транзит-ИКС, 2016. — 232 с.
23. Тихонов А. В. Условия содержания иностранных военнопленных в годы Первой мировой войны на примере Калужской и Тульской губернии // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «История». — 2016. — Вып. 2 (33). — С. 109–120.

References

1. Babakov A. V. Military Prisoners in the town of Suzdal during World War I. *Materialy XX Mezhregionalnoj kraevedcheskoj konferencii* [Proceedings of the 20th Interregional Local-History Conference]. 2016, pp. 95–102. (in Russian).
2. Belov S. I. The Position of German Military Prisoners in Russia during World War I (based on the materials of the Archives of the Upper Volga Region). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universieta imeni M. A. Sholohova. Serija "Istorija i politologija"* [Bulletin of Moscow State Humanitarian University named for M. A. Sholokhov]. 2014, no. 4, pp. 16–20. (in Russian).
3. Belova I. B. Military Prisoners on the Territory of the Kaluga and Orlov Provinces during World War I. *Voenno-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal]. 2007, no. 12, pp. 42–45. (in Russian).
4. Valitov A. A. Labor of Military Prisoners of World War I in the Tobolsk Province. *Izvestija Vyshih ucebnyh zavedenij. Serija "Gumanitarnye nauki"* [Proceedings of Higher Education Institutions. Humanitarian Sciences series]. 2014, vol. 5, no. 3, pp. 189–192. (in Russian).
5. *Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti* [State Archive of the Vladimir Region]. F. 14, Op. 14, D. 217, 223, 225 ; F. 40, Op. 1, D. 22534, 22849 ; F. 379, Op. 1, D. 1277, 1305 ; F. 381, Op. 3, D. 69 ; F. 398, Op. 1, D. 207, 214, 225 ; F. 704, Op. 1, D. 1068 ; F. 981, Op. 4, D. 10, 11 ; F. 983, Op. 1, D. 600 ; F. 989, Op. 3, D. 2, 3 ; F. 1014, Op. 1, D. 41. (in Russian).
6. Gulín A. O. German-Austrian-urkish Military Prisoners at the Territory of the Vladimir, Kostroma and Yaroslavl Regions in 1914–1917. *Gosudarstvo, obwestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov : materialy XV Mezhdunarodnij nauchnoj konferencii* [State, Society, Church in the History of Russia of the 20th–21st Centuries: Proceedings of the 15th International Research Conference]. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2016, part 2, pp. 298–304. (in Russian).

7. Zhurbina N. E. German Military Prisoners in Russia during World War I. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija"* [Bulletin of Voronezh State University. Linguistics and Intercultural Communication series]. 2008, no. 2, pp. 229–235. (in Russian).
8. Ivanov Ju. A. Military Prisoners of World War I in Russian Provinces. *Otechestvennye arhivy* [Russian Archives]. 2000, no. 2, pp. 100–104. (in Russian).
9. Kaljakina A. V. *Pod ohranoj ruskogo velikodushija. Voennoplennye Pervoj mirovoj vojny v Saratovskom Povolzh'e (1914–1922)* [Protected by Russian Generosity. Military Prisoners of World War I in Saratov (the Volga Region) (1914–1922)]. Moscow, Kuchkovo Filed Publ., 2014, 304 p. (in Russian).
10. Kanaev I. N. Russian Counterintelligence and Military Prisoners during World War I. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija "Gumanitarnye nauki"* [Bulletin of Tambov University. Humanitarian Sciences series]. 2009, no. 12, pp. 349–353. (in Russian).
11. Kollerov A. L. The Vladimir Province in World War I. *Otechestvennye arhivy* [Russian Archives]. 2000, no. 3, pp. 16–24. (in Russian).
12. Kostopravov R. O. German and Austrian Subjects at Gus Khrustalny Factory during World War I (1914–1918). *Materialy issledovanij* [Materials of Investigations]. 2016, iss. 21, pp. 53–59. (in Russian).
13. Lashmanova T. A. *Vladimirskaja gubernija i rossijskaja revoljucija v dokumentah 1913–1918 godov: sbornik dokumentov Gosudarstvennogo arhiva Vladimirskoj oblasti* [The Vladimir Province and the Russian Revolution in Documents 1913–1918: Collected Documents of the State Archive of the Vladimir Region]. Vladimir, 2017, 500 p. (in Russian).
14. Mogil'naja L. A. *Vladimirskij kraj v gody Pervoj mirovoj vojny 1914–1918 godov: obzor istochnikov i literatury iz fondov Vladimirskoj oblastnoj nauchnoj biblioteki* [The Vladimir Region during World War I 1914–1918: a Review of Sources and Literature of the Vladimir Region Library]. Vladimir, 2014, pp. 25–32. (in Russian).
15. Nimanov B. I. The Contents of Foreign Military Prisoners in Russia during World War I. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija "Istorija Rossii"* [Bulletin of People's Friendship University of Russia. Russian History Series]. 2009, no. 2, pp. 53–61. (in Russian).
16. Military Prisoners' Escape. *Izvestija Vladimirskogo gubernskogo vremennogo ispolnitel'nogo komiteta* [Proceedings of the Vladimir Province Executive Committee]. 1917, no. 95, p. 3. (in Russian).
17. Povalishnikova S. R. The Routine of German Military Prisoners in the Russian Empire (on thematerials of private documents). *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named for S. Yesenin]. 2020, no. 3 (68), pp. 67–76. (in Russian).
18. Pyl'kin V. A. *Voennoplennye Avstro-Vengrii, Germanii i Osmanskoj imperii na Rjazanskoj zemle v gody mirovoj vojny i revoljucii* [Military Prisoners of Austria, Hungary, Germany and the Ottoman Empire in the Ryazan Region in World War I and the Russian Revolution]. Moscow, Hot Line-Telecom Publ., 2013, 236 p. (in Russian).
19. Surzhilova N. V. *Voennyj plen v rossijskoj provincii (1914–1922)* [Military Prisoners in Russian Provinces (1914–1922)]. Moscow, Political Encyclopaedia Publ., 2014, 423 p. (in Russian).
20. Tarasov A. V. Military Prisoners of World War I in the Perm Province. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State Humanitarian University]. 2014, no. 2, pp. 42–47. (in Russian).
21. Titova V. I. *"Pamjat' hrabryh my pochtim...": zahoroneniya uchastnikov Pervoj mirovoj vojny vo Vladimire na Knjaz'-Vladimirskom kladbiwe* ["Commemorating the Valiant...": World War I Cemeteries in Vladimir. The Duke Vladimir Cemetery]. Vladimir, Tranzit-IKS Publ., 2014, 128 p. (in Russian).
22. Titova V. I. *Vladimir gubernskij: 1778–1929* [The Vladimir Province: 1778–1929]. Vladimir, Tranzit-IKS Publ., 2016, 232 p. (in Russian).
23. Tihonov A. V. The Conditions in Which Military Prisoners Lived during World War I at the Example of the Kaluga Region and the Tula Region. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija "Istorija"* [Bulletin of Tver State University. History series]. 2016, iss. 2 (33), pp. 109–120. (in Russian).

Информация об авторе

Повалишникова София Романовна — учитель истории и обществознания средней общеобразовательной школы № 38 (Владимир).

Сфера научных интересов: роль личности в истории (Николай II), история Первой мировой войны, история повседневности.

Information about the author

POVALISHNIKOVA Sofya Romanovna — History Teacher and Social Science Teacher at secondary school no. 38 (Vladimir).

Research interests: the role of an individual in history (Nicholas II), history of World War I, history of everyday life.

Статья поступила в редакцию 04.11.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 02.02.2022.

The article was submitted 04.11.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 02.02.2022.